

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЗА РУБЕЖОМ

А.О. Наумов, Д.В. Демин*

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ»: ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ И ИЗ-ЗА РУБЕЖА

Несмотря на большое количество исследований, посвященных «цветным революциям», в современном научном дискурсе отсутствует единый подход к пониманию данного геополитического феномена. Интерпретации сущности «цветных революций» могут различаться кардинально: от стихийного восстания народных масс, уставших терпеть диктаторский режим, до применения США специальной технологии свержения неугодных политических режимов. В данной статье впервые в отечественной историографии представлен системный анализ различных теоретико-методологических подходов к изучению «цветных революций». Ключевым вопросом является соотношение внутренних и внешних факторов, обусловивших их возникновение. Авторы приходят к выводу, что прикладные исследования «цветных революций» в трудах как зарубежных, так и отечественных ученых ведутся с различных позиций. В западном научном мире преобладает дискурс об эндогенных истоках «цветных революций», в то время как многие отечественные исследователи считают их первопричиной внешнее воздействие. Согласно авторской концепции, ключевую роль в происхождении «цветных революций» сыграл внешний фактор, ведь именно технологии «мягкой силы» США и их союзников стали главным катализатором и одновременно инструментами осуществления данных операций по демонтажу политических режимов.

Ключевые слова: «цветные революции», «мягкая сила», «гибридная война», ненасильственная борьба, «бульдозерная революция», «революция роз», «оранжевая революция», «тюльпановая революция», «арабская весна».

* Наумов Александр Олегович — кандидат исторических наук, доцент факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: naumov@spa.msu.ru

Демин Дмитрий Владимирович — аспирант факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: demindv@spa.msu.ru

Despite the substantial number of studies devoted to color revolutions, there is no common approach to understanding this geopolitical phenomenon in the modern scientific discourse. Interpretations of the essence of color revolutions can differ dramatically: from a spontaneous uprising of the masses to the use of special technology by the United States to overthrow political regimes. For the first time in Russian historiography this article presents a systematic analysis of various theoretical and methodological approaches to the study of color revolutions. The key issue is the ratio of endogenous and exogenous factors that led to the color revolutions. The scientific works of leading domestic and foreign experts on this problem are considered. The authors come to the conclusion that applied research of color revolutions in the works of both foreign and domestic scientists is carried out from different positions. Discourse about the endogenous origins of color revolutions prevails in the Western scientific world, while many Russian researchers consider external influences to be their primary cause. According to the author's concept, it was external factors that played a key role in the origin of the color revolutions, because it was the technologies of the soft power of the United States and its allies that became the key reasons and, at the same time, tools for carrying out these operations to dismantle political regimes in the beginning of the XXI century.

Keywords: Color revolution, Soft power, Hybrid war, Non-violent struggle, Bulldozer revolution, Rose revolution, Orange revolution, Tulip revolution, Arab Spring.

В современном общественно-политическом и научном дискурсе «цветными революциями» принято называть череду массовых протестов, приведших к ненасильственной смене власти в Сербии, Грузии, Украине (дважды), Киргизии, Тунисе и Египте в 2000–2014 гг. Каждая «революция» получила уникальное название и собственную символику, которая была привязана к объекту окружающего мира («бульдозерная революция»), цвету («оранжевая революция»), растению («революция роз», «тюльпановая революция», «жасминовая революция»), конкретной дате («революция 25 января») или собирательному образу, основанному на определенных общественных ожиданиях («Евромайдан»).

С середины 2000-х гг. «цветные революции» оказались в фокусе внимания зарубежных и отечественных ученых. Несмотря на то, что изучению этой научной проблемы уделяется большое внимание, все еще не существует единого понимания того, какое именно событие можно считать «цветной революцией», какова ее истинная природа, где та грань, перейдя которую «цветная революция» трансформируется в «гибридную войну» современного типа и т.д.

Цель данной статьи — проанализировать основные научные подходы западных и отечественных авторов к определению причин

возникновения «цветных революций» и предложить собственную трактовку этому уникальному феномену мировой и региональной политики начала XXI в.

Главным для нашего исследования является вопрос, что представляют «цветные революции»: стихийный демократический протест народа против собственных коррумпированных и авторитарных правителей или хорошо разработанную технологию демонтажа политического режима. Другими словами, «цветная революция» — это современный пример революционной трансформации, совершающийся с участием широких общественных масс, разных социальных групп, имеющий в своей основе в первую очередь внутренние причины, или это государственный переворот, основанный на технологиях геополитической инженерии, инициируемый внешними акторами?

Большинство североамериканских и европейских исследователей вопроса в качестве ключевых причин «цветных революций» называют эндогенные факторы. При этом, по мнению крупных ученых-международников, задающих тон в западном научном дискурсе (Г. Киссинджер, Ф. Фукуяма, З. Бжезинский, С. Хантингтон), «цветные революции» являются легальным и оправданным способом распространения демократии и либеральных ценностей Запада, с одной стороны, и средством для реализации стратегии американской внешней политики — с другой¹. Ф. Фукуяма отмечал, что усилия по смене тиранических и тоталитарных режимов путем внешних поощрений и санкций неизменно будут менее эффективными, нежели внутренняя перестройка их природы, и указывал, что к началу XXI в. усилиями США была создана широкая международная инфраструктура «мягкой силы», «призванная помогать народам в проведении первичного перехода от авторитарного правления к демократическому и к дальнейшему укреплению демократических институтов после того, как сделан первый шаг в осуществлении преобразований»². Однако он делал важное уточнение: «Инициатива перемен рождалась внутри самой страны... Внешние спонсоры не могут самостоятельно определить сроки проведения демократических преобразований. Взрыв происходит тогда, когда имеется искра — политическое убийство или недобросовестно проведенные

¹ См.: *Kissinger H. Does America Need a Foreign Policy? Toward a Diplomacy for The 21st Century.* Darby: Diane Pub Co, 2004; *Фукуяма Ф. Америка на распутье: Демократия, власть и неоконсервативное наследие.* М.: АСТ, 2008; *Brzezinski Z. The Choice: Global Domination or Global Leadership.* N.Y.: Basic Books, 2009; *Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order.* NY.: Simon & Schuster, 2011.

² *Фукуяма Ф. Указ. соч. С. 47, 181.*

выборы. Тогда происходит мобилизация населения и начинаются вспышки недовольства»³.

Схожей позиции придерживается большинство западных исследователей, занимающихся непосредственно проблематикой «цветных революций». Так, Л. Митчелл называет «цветные революции» политическим транзитом от одной формы полудемократии к другой, происходящим вследствие фальсификаций выборов правящим режимом, в результате которых к власти приходят прозападные и более демократические правительства. Их предпосылки автор видит в коррумпированности и неэффективности властей, вызвавших в обществе стойкое желание перемен, а причину успеха — в структурной слабости этих режимов и относительной общественной свободе, которую они допускали⁴. Митчелл упоминает, что лидеры «цветных революций» организовывали каждую из них на основе предыдущей: «В случае с Грузией образцом была “бульдозерная революция” в Сербии, украинцы осознанно обратились к грузинской модели и консультировались с ее участниками, в то время как киргизы аналогично консультировались и обучались активистами украинской и грузинской “цветных революций”»⁵. Несмотря на это, Митчелл не признает существования определенной технологии по смене политических режимов, считая эти госперевороты «мирными демонстрациями с требованием соблюдения прав человека и демократических преобразований»⁶. Хотя ученый отмечает, что страны, которые столкнулись с «цветными революциями», получали значительную внешнюю помощь для «развития демократии», свержение законных правительств не являлось плодом «американского заговора». По его мнению, у США не было ни одной веской причины стремиться сменить режимы в Грузии, Украине и Киргизии, а финансирование антиправительственных организаций начинает восприниматься совсем по-другому, если принять во внимание значительно большую поддержку, которую США оказывали действующим правительствам, осуществляя разнообразные программы в сфере экономического развития, совершенствования сферы здравоохранения, модернизации государственного управления и сотрудничества в военной сфере⁷.

³ Там же. С. 183.

⁴ Mitchell L. The Color Revolutions. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2012. P. 4, 71.

⁵ Ibid. P. 6.

⁶ Ibid. P. 1.

⁷ Ibid. P. 75, 79–80.

Непосредственный участник «революции роз» Г. Канделаки в исследовании, написанном для американского Института мира, выделяет следующие факторы происхождения «цветных революций»: системная слабость режима и его относительная либеральность, успешные действия оппозиции по радикализации и мобилизации большого количества участников для политической борьбы, усилия гражданского общества, деятельность независимых СМИ и стратегия ненасильственной борьбы молодежных движений. Очевидно, что все перечисленные факторы относятся к внутренним. По поводу роли США и европейских стран Г. Канделаки делает противоречащее объективным фактам заявление о том, что действия западных акторов не только не способствовали успеху «революции роз», но были даже вредны для нее⁸.

Еще один зарубежный исследователь вопроса М. Бейззингер называет «цветные революции» волной демократических изменений, в ходе которых в посткоммунистическом регионе были свергнуты режимы, практиковавшие фальсификации на выборах, и в целях демократизации к власти были приведены новые лица. По его мнению, «цветные революции» «основывались на местной инициативе из-за чувства неудовлетворенности среди населения» и «не были разработаны за рубежом, хотя и полагались на значительную иностранную поддержку»⁹. Таким образом, Л. Митчелл, Г. Канделаки, М. Бейззингер и еще целый ряд других специалистов однозначно интерпретируют «цветные революции» как некий естественный процесс демократизации общества, отвергая саму идею экзогенного характера их возникновения.

Часть западных авторов занимает более взвешенную позицию. Дж. Голдстоун, например, к предпосылкам возникновения «цветных революций» относит внутренние факторы, такие как нарушения режимом законности, и коррумпированность власти, которая прибегала к фальсификациям на выборах; именно протест против этих фальсификаций превращался в «мощное движение, приводившее к смене этого режима»¹⁰. В то же время он справед-

⁸ *Kandelaki G. Georgia's Rose Revolution: A Participant's Perspective // United States Institute of Peace. Special report 167. July 2006. URL: <https://www.usip.org/sites/default/files/sr167.pdf> (дата обращения 25.08.2020).*

⁹ *Beissinger M. Structure and Example in Modular Political Phenomena: The Diffusion of the Bulldozer/Rose/Orange/Tulip Revolutions // Perspectives on Politics. 2007. Vol. 5 (2). P. 262.*

¹⁰ *Голдстоун Д. Революции. Очень краткое введение. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. С. 146.*

ливо пишет, что для того, чтобы акции ненасильственного сопротивления переросли в «цветную революцию», завершающуюся сменой режима, одних внутренних предпосылок недостаточно. По его мнению, «цветные технологии» достигали успеха только в том случае, если режим имел сильную зависимость от одной из западных держав, которая в момент начала демонстраций, организованных натренированной по методике Дж. Шарпа международной сетью активистов оппозицией, не давала законному правительству решительно их подавить¹¹.

Американские политологи В. Банс и Ш. Волчик также не столь категоричны в этом вопросе. С одной стороны, они называют «цветные революции» стихийными массовыми протестами, вызванными фальсификациями на выборах, которые положили конец развитию авторитарных режимов и привели к настоящему скачку к демократии¹². Однако исследователи признают, что свергнуть авторитарные режимы удавалось благодаря применению инновационной стратегии — «электоральной модели», включавшей в себя организацию креативных и массовых политических акций, подготовку наблюдателей за выборами и проведение экзит-полов, тесное сотрудничество с институтами гражданского общества, молодежными и женскими организациями, а также широкое использование культурных мероприятий, например, рок-концертов и велопробегов. Именно эта стратегия помогла превратить выборы из средства, с помощью которого «диктаторы удерживали власть», в «вирус», занесенный в Сербию, Грузию, на Украину и в Киргизию. Данная «электоральная модель», по мнению авторов, была разработана и внедрена извне «содействующей развитию демократии» транснациональной сетью акторов, в которую входили финансируемые Агентством США по международному развитию фонды, американские дипломатические ведомства, европейские частые и общественные организации¹³.

Заслуживающий внимания методологический подход применил британский политолог С. Уайт, сопоставивший статистические данные стран, прошедших через «цветные революции», и близких по уровню развития государств, в которых их не произошло. В результате он был вынужден признать, что социально-экономические

¹¹ Там же. С. 145.

¹² *Bunce V., Wolchik S. Defeating Authoritarian Leaders in Postcommunist Countries.* Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 5.

¹³ *Ibid.* Pp. 332-335.

показатели не являлись непосредственными причинами «цветных революций». На основе проведенного анализа С. Уайт делает вывод, что возможность возникновения «цветной революции» зависит, прежде всего, от того, как население воспринимает действующее правительство: «Если режим считается коррумпированным, и он лишает население возможности привлечь себя за это к ответственности на выборах путем их фальсификаций, это является очевидной причиной общественного недовольства, которое приводит к свержению этого режима»¹⁴.

Интересна и позиция американского специалиста по «цветным революциям» Д. Лэйна. По его мнению, возникшее в обществе желание перемен вследствие недовольства низким уровнем жизни, коррумпированностью и неэффективностью государственного управления было далеко не главной причиной этих государственных переворотов. Важнейшую роль сыграло наличие у элиты определенной альтернативы существовавшему порядку, например, потенциальной возможности получения выгод от более тесных взаимоотношений с ключевыми экономическими и военно-политическими структурами Запада. В результате государства, в которых элиты или контрэлиты имели тесную связь с ЕС и/или НАТО, стали очевидными целями для реализации технологий геополитической инженерии. «Поддерживая “цветные революции” через оспаривание результатов выборов, которые были сфальсифицированы, и содействуя развитию институтов гражданского общества для смены режима в авторитарных странах с помощью мирных и легитимных средств, — пишет Лэйн, — Запад использовал стратегию “мягкой силы”»¹⁵. При этом исследователь справедливо отмечает, что в государствах, где экономические интересы США и их союзников срачивались с интересами правящей элиты, программы по продвижению демократии не получили особого развития, а оппозиция была практически лишена возможности получать финансирование из внешних источников¹⁶.

Есть среди западных авторов и те, кто однозначно определяют «цветные революции» как заранее спланированные извне государственные перевороты. Американский специалист Ф. Энгдаль, например, считает, что эти «революции» были разработаны спе-

¹⁴ White S. Is There a Pattern? // Rethinking the “Coloured Revolution” / ed. by Lane D., White S. NY.: Routledge, 2010. P. 293.

¹⁵ Lane D. “Coloured Revolution” as a Political Phenomenon // Rethinking the “Coloured Revolution” / ed. by Lane D., White S. NY.: Routledge, 2010. P. 18.

¹⁶ *Ibid.* P. 15.

циалистами Государственного департамента и разведывательного сообщества США. «Казалось, это идеальная модель для ликвидации режимов, противостоящих политике Вашингтона», — писал он о «бульдозерной революции» в Сербии. — «Не имело значения, популярен ли был режим, избран ли демократическим путем, любой становился уязвимым для новых методов ведения войны Пентагоном — техник “роения” и “цветных революций”»¹⁷.

В целом же, привилегированное положение в западном научном мире занимает дискурс о внутренних причинах, эндогенных истоках «цветных революций».

Этот взгляд на проблему разделяют и некоторые отечественные ученые. Часть из них вообще рассматривает операции по смене режимов в 2000–2014 гг. в качестве революций в классическом понимании данного термина, полагая, что «цветные революции» являются естественным процессом демократического развития, реакцией населения на нарушения их прав и свобод. Консолидация же масс против правящих режимов, по их мнению, обусловлена обострением внутренних социально-экономических проблем. Д.Е. Фурман еще в 2006 г. отмечал, что «цветные революции» — «следствие не просчетов, а естественных процессов, следствие деградации режимов управляемых демократий, погружающихся в коррупцию, теряющих обратные связи с обществом, переходящих к открытым репрессиям и убийствам своих оппонентов и утрачивающих свою легитимность»¹⁸. По мнению отечественного эксперта В.Д. Соловья, первопричинами «цветных революций», которые он относит к категории «настоящих революций», выступали именно внутренние факторы. «Зарубежное участие в них — реальное или мнимое — несколько не отрицает оценки этих событий как революций... даже если мы признаем важную роль внешних сил в «цветных революциях», это не отменит их права называться революциями, а лишь рельефнее подчеркнет революционный характер событий»¹⁹, — отмечает автор. Утверждения о ключевой роли внешних сил в данных государственных переворотах он относит к продуктам пропаганды официальной Москвы, упоминая, тем не менее, что западные страны «оказывали организационную, финан-

¹⁷ *Engdahl F.W.* Full Spectrum Dominance: Totalitarian Democracy in the New World Order. Boxboro: Third Millennium Press, 2009. P. 41.

¹⁸ *Фурман Д.* Холодная война без слов // Независимая газета. 27.03.2006. URL: http://www.ng.ru/courier/2006-03-27/9_coldwar.html (дата обращения 25.08.2020).

¹⁹ *Соловей В.Д.* «Цветные революции» и Россия // Сравнительная политика. 2011. № 1. С. 34.

совую и технологическую помощь оппозиции и могли выступать посредниками между конфликтующими сторонами в случае развертывания революционного процесса»²⁰.

И.Д. Звягельская, в качестве кейса использующая события «арабской весны», высказывает мнение, что причины протестных выступлений носили внутренний характер, а подозрения о причастности правительств западных стран к изгнанию и отставкам своих союзников в арабском мире лишены всякой логики²¹. А.М. Васильев, рассматривая «революцию 25 января» в Египте, подчеркивает, что она «произошла не потому, что появились Интернет, “Фэйсбук” или “Твиттер”, — это была искра в куче сухого хвороста. Ее двигали те же силы, которые не раз разжигали революции: ненависть к коррумпированной автократии и тайной полиции, отчаяние поднимающегося среднего класса, безнадежное положение бедных, неспособность “верхов” на реальные реформы»²². Г.Ш. Кадирова считает, что серия антиправительственных выступлений в странах Ближнего Востока и Магриба «была направлена на установление демократического и справедливого общества», и в ходе смены режима в Египте администрация президента США Б. Обамы «воздерживалась как от прямой поддержки президента Х. Мубарака, так и от требований оппозиции о немедленном переходе власти»²³. Л.Л. Фитуни также указывает на внутренние социально-экономические и политические противоречия как на причину нарастания протестного движения в арабских странах. Тем не менее, важным фактором «весенних революций» исследователь называет иностранное влияние: «Без соответствующего внешнего фона, моральной, политической и, что не менее важно, материальной поддержки извне ни тунисская, ни египетская, ни тем более ливийская революции не имели бы реальной перспективы»²⁴.

²⁰ Соловей В.Д. Революtion! Основы революционной борьбы в современную эпоху. М.: Эксмо, 2017. С. 16.

²¹ Звягельская И. Д. События на Ближнем Востоке: российский взгляд // Россия сегодня и завтра. 2011. № 4. С. 5.

²² Васильев А.М. Цунами революций // Азия и Африка сегодня. 2011. № 6. С. 17.

²³ Кадирова Г.Ш. «Арабская весна» как попытка демократизации Ближнего Востока по западному образцу // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 81. С. 173, 178. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/81_2020kadirova.htm. (дата обращения 25.08.2020).

²⁴ Фитуни Л.Л. «Арабская весна»: трансформация политических парадигм в контексте международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 1. С. 12.

Действительно, большая часть представителей отечественного научного и экспертного сообщества склонна считать, что наряду с определенными внутренними предпосылками при реализации «цветных революций» огромную роль играл внешний фактор. К сторонникам такого подхода относятся авторы, характеризующие «цветные революции» как государственный переворот, организованный при участии внешних сил, преимущественно в интересах западных стран.

Выдающийся отечественный дипломат и исследователь Е.М. Примаков писал в 2009 г., что на Украине и в Грузии активнейшую роль в смене существовавших правительственных структур играли посольства США в Киеве и Тбилиси, и «это даже не скрывалось»²⁵. Профессор МГИМО А.М. Мигранян, подчеркивая роль экзогенного влияния, отмечал: «Элементы внешнего воздействия на осуществление революций чрезвычайно важны... Легитимность власти оказывается оспоренной извне. А до недавних пор на постсоветском пространстве, чтобы заручиться международным признанием, власти нуждались в одобрении Вашингтона и Брюсселя. Потеря такого благословения приводит автоматически к краху этих режимов»²⁶. Е.Г. Пономарева и Г.А. Рудов также подчеркивают решающую роль внешнего фактора в «цветных революциях». По их мнению, в «революционных потрясениях новейшего времени» огромную роль играет финансовая и организационно-информационная поддержка антисистемных сил из-за рубежа, причем в стране, которая подвергается атакам «цветных технологий», может даже не быть предпосылок для революционной ситуации²⁷.

Скрупулезно изучавший международный аспект «цветных революций» Н.С. Данюк придерживается точки зрения, что их возникновение, несмотря на существование внутренних противоречий, основывается в большей степени на факторе иностранного вмешательства. Автор прямо называет организатора и бенефициара этих геополитических операций: ««Цветные революции» стали одним из наиболее эффективных внешнеполитических инструментов Вашингтона, позволяющих при минимальных затратах и издержках

²⁵ *Примаков Е.М.* Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. М.: ИИК «Российская газета», 2009. С. 199.

²⁶ *Мигранян А.* «Я не очень уверен, что киргизам удастся преодолеть разрыв севера и юга» // ЦентрАзия. 18.09.2005. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1127008080> (дата обращения 25.08.2020).

²⁷ *Пономарева Е.Г., Рудов Г.А.* «Цветные революции»: природа, символы, технологии // Обозреватель. 2012. № 3. С. 46.

реализовывать широкий спектр геополитических и геоэкономических задач за рубежом, расширять зону и закреплять влияние американских интересов в различных регионах мира»²⁸.

Исследователь технологий управления радикальными формами социального протеста Э.Э. Шульц не относит «цветные революции» (включая «арабскую весну») к революциям в классическом понимании, так как эти события не привели к изменениям политического строя и социальной системы государств. В то же время он считает неправомерным рассматривать их и как простой государственный переворот, так как для него не характерны массовые протестные движения²⁹. В контексте рассмотрения вопроса о причинах «цветных революций» Шульц отмечает, что наряду с наличием конфликтов и определенного недовольства, которые существуют в любом обществе, использование специальных «технологий бунта» привело к «цветным революциям» в тех странах, где присутствовал сильный внешний фактор, который мог принимать разные формы, от финансирования западными правительствами оппозиционных лидеров и организаций до экономического давления или угрозы прямого военного вмешательства³⁰.

Подобной трактовки причин и предпосылок «цветных революций» придерживается большинство российских специалистов, занимающихся изучением операций по ненасильственной смене политических режимов в начале XXI в.

Отечественные исследователи Т.В. Вербицкая и А.А. Керимов утверждают, что в российской науке можно выделить три альтернативных подхода к изучению «цветных революций», в соответствии с которыми они рассматриваются в качестве явления (государственный переворот, инициируемый и управляемый извне для реализации геополитических интересов заказчика), технологии (разновидность революции эпохи постмодерна, обладающая характером политической технологии и осуществляемая с целью свержения авторитарного режима с помощью провоцирования массовых протестов) и целенаправленного процесса (использование массовых уличных протестных акций в интересах государства-заказчика)³¹.

²⁸ Данюк Н.С. «Цветные революции». От теории к практике: монография. М.: Юнити-Дана, 2018. С. 487.

²⁹ Шульц Э.Э. Технологии бунта. Технологии управления радикальными формами социального протеста. М.: Подольская фабрика офсетной печати, 2014. С. 316.

³⁰ Там же. С. 320.

³¹ Вербицкая Т.В., Керимов А.А. Цветная революция как угроза политической системе государства: проблемы определения // Вопросы управления. № 2 (57). 2019. URL: <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2019/02/01> (дата обращения 25.08.20).

Представляется, что данная точка зрения требует серьезной корректировки, ведь указанные дефиниции, по сути, не противоречат друг другу, и во всех трех случаях речь идет о неких импортированных из-за рубежа технологиях по смене правящих режимов. Эту проблему, однако, легко устранить, если анализировать «цветные революции» с точки зрения реализации определенных технологий по ненасильственной смене режима.

Дискуссионным остается лишь вопрос об особенностях применения этих технологий. Некоторые российские исследователи в качестве таковых рассматривают публичную дипломатию. Так, Н.А. Цветкова и Г.О. Ярыгин на примере Украины показывают, что Вашингтон способствовал государственным переворотам на постсоветском пространстве путем образования новых политических партий, содействия в организации электорального процесса, создания лояльных по отношению к США средств массовой информации и неправительственных организаций, включая молодежные структуры³². Другие российские специалисты полагают, что в случае провала первоначального плана по ненасильственному свержению законной власти «цветные революции» могут быть использованы в качестве катализатора для перевода ситуации в фазу боевых действий с подключением внешних акторов, и относят к «цветным революциям» события в Ливии и Сирии (что, на наш взгляд, не совсем верно). Этот, условно, военно-политический подход к исследованию «цветных революций» близок к популярной сегодня концепции «гибридной войны». С.М. Небренчин, например, относит «цветные революции» именно к категории «гибридных войн», отмечая, что деструктивные политические технологии являются наиболее эффективным инструментом для вмешательства во внутренние дела суверенных государств и подрыва основ их национальной безопасности³³. А.А. Бартош убежден, что общим для «цветной революции» и «гибридной войны» является информационно-психологическое воздействие на противника, которое ведется в соответствии с избранной стратегией³⁴. При этом он справедливо подчеркивает, что

³² Цветкова Н.А. Ярыгин Г.О. Участие публичной дипломатии США в политической трансформации Украины, 1990–2000-е гг. // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. 2015. Сер. 6. Вып. 4. С. 71.

³³ Небренчин С. Устоит ли Россия против «гибридной цветной революции». REGNUM. 19.06.2016. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2158662.html> (дата обращения 25.08.2020).

³⁴ Бартош А.А. Адаптивные стратегии информационной войны // Центр военно-политических исследований МГИМО. 18.09.2016. URL: <http://eurasian-defence.ru/?q=node/37336> (дата обращения 25.08.2020).

организаторам «цветных революций» далеко не всегда удается выдержать ненасильственный формат, приводя в пример ливийские и сирийские события³⁵.

Подводя итог, следует констатировать, что на Западе и в России существуют различные подходы к определению реальных причин и предпосылок «цветных революций». Большинство западных авторов трактуют «цветные революции» исключительно как естественный процесс демократизации общества, стремящегося к переменам к лучшему. Такая точка зрения, безусловно, имеет право на существование. Однако в эту схему не укладывается технологичность «цветных революций», ведь не ясно, каким образом даже недовольное действующей властью население оперативно овладевает приемами ненасильственной борьбы с режимом и в этой борьбе начинает опираться на появившиеся как будто «из воздуха» институты и инструменты «мягкой силы». Данный факт позволяет российским экспертам говорить о том, что «цветные революции» — это лишь мимикрирующие под стихийные процессы технологии, которые западные специалисты старательно пытаются выдать за проявление воли народа, внезапно решившего свергнуть правивших годами и даже десятилетиями правителей. В этой связи отмечается и отличительный стиль работы Запада, и строгое соответствие плана любой «революции» определенному сценарию, и полное отсутствие истинно революционной идеологии у оппозиции и ведомых ею протестных масс³⁶. Кроме того, позиционируя «цветные революции» как естественный процесс самоорганизации общества, зарубежные геополитические «инженеры» зачастую таким образом лишь стремятся усилить давление на действующие власти, побуждая их отказаться от права на легитимное насилие в отношении протестующих и пойти по пути максимальных уступок последним (что в конечном итоге неизбежно приводит к краху режимов). Нелишним будет отметить и тот факт, что в англоязычных научных исследованиях крайне редко фигурирует дискурс о «мягкой силе» Запада как технологии осуществления государственных переворотов.

Однако, как было показано выше, западный дискурс о «цветных революциях» не однороден. В нем есть место, как тем, кто полностью не исключает наличие внешнего фактора, при этом все равно ставя на первое место эндогенные причины происхождения «цветных

³⁵ Бартош А.А. Разрушительный тандем: цветная революция и гибридная война // Независимое военное обозрение. 24.07.2015. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2015-07-24/1_revolution.html (дата обращения 25.08.2020).

³⁶ Филимонов Г.Ю., Карпович О.Г., Манойло А.В. Технологии «мягкой силы» на вооружении США: ответ России. М.: Юнити-Дана, 2015. С. 414–416.

революций», так и тем, кто абсолютизирует иностранное вмешательство, настаивая на исключительно экзогенном характере этого геополитического феномена. Едва ли не прямо противоположенную картину можно увидеть при обращении к трудам отечественных специалистов. Большинство российских ученых склонны считать, что «цветные революции» не могли бы состояться без всесторонней поддержки со стороны внешнего контура или вовсе были полностью инспирированы зарубежными силами.

В этой связи позволим себе высказать собственную точку зрения на природу «цветных революций». Полагаем, что существуют как объективные, так и субъективные причины их возникновения. Необходимым условием осуществления «цветной революции» является наличие в стране реальных социально-экономических и политических проблем, которые так или иначе присутствуют практически в любом государстве современного мира (бедность, коррупция, неэффективное государственное управление, национально-религиозные противоречия и т.д. и т.п.). Безднадежность, отсутствие перспективы, «усталость терпеть» — вот основные двигатели протестного движения. Как очень точно подметила О.Ф. Волочаева, власть в странах — жертвах «цветных революций» сама на протяжении долгого периода времени собирала «хворост для костров оппозиции»³⁷.

Но все же значительно более важную роль сыграл субъективный фактор, заключавшийся в активном внешнем вмешательстве со стороны западных государств. Распространение разработанных США, Канадой и странами Европейского союза программ по продвижению демократии, создание оппозиционных акторов «мягкой силы» (политические партии, НПО, молодежные движения, традиционные и новые медиа), искусственное разжигание противоречий между различными социальными, этническими, профессиональными группами, нагнетание атмосферы тревоги и нестабильности в обществе, мощное иностранное давление на политические, финансовые, военные элиты страны — все это и создало благоприятные предпосылки для начала «цветных революций», а затем и для успешной реализации операций по демонтажу политических режимов.

На наш взгляд, именно технологии «мягкой силы» США и их союзников, обрушившиеся на Сербию, Грузию, Украину, Киргизию, Тунис и Египет, и стали ключевыми причинами и одновременно

³⁷ Волочаева О.Ф. «Ненасильственное» изменение политических режимов как феномен информационного общества // Теория и практика общественного развития. 2015. № 3. С. 85.

инструментами неконституционной смены власти в указанных странах в 2000–2014 гг. Соответственно, «цветную революцию» следует определить как государственный переворот, незаконную операцию по смене политического режима с использованием импортированных из-за рубежа технологий «мягкой силы». Конечно, если бы условия для народного недовольства вообще отсутствовали, то даже масштабная иностранная помощь не смогла бы кардинально изменить внутривнутриполитическую ситуацию. Но верно и обратное. Ни одна из «цветных революций» не смогла бы начаться и победить без всесторонней поддержки извне.

Литература

Бартош А.А. Адаптивные стратегии информационной войны // Центр военно-политических исследований МГИМО. 18.09.2016. URL: <http://eurasian-defence.ru/?q=node/37336>

Бартош А.А. Разрушительный тандем: цветная революция и гибридная война // Независимое военное обозрение. 24.07.2015. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2015-07-24/1_revolution.html

Васильев А.М. Цунами революций // Азия и Африка сегодня. 2011. № 6. С. 2–18.

Вербицкая Т.В., Керимов А.А. Цветная революция как угроза политической системе государства: проблемы определения // Вопросы управления. 2019. № 2 (57). URL: <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2019/02/01>

Волочаева О.Ф. «Ненасильственное» изменение политических режимов как феномен информационного общества // Теория и практика общественного развития. 2015. № 3. С. 83–86.

Голдстоун Д. Революции. Очень краткое введение. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 192 с.

Данюк Н.С. «Цветные революции». От теории к практике: монография. М.: Юнити-Дана, 2018. 527 с.

Звягельская И.Д. События на Ближнем Востоке: российский взгляд // Россия сегодня и завтра. 2011. № 4. С. 1–5.

Кадирова Г.Ш. «Арабская весна» как попытка демократизации Ближнего Востока по западному образцу // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 81. С. 163–181. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/81_2020kadirova.htm.

Мигранян А. «Я не очень уверен, что киргизам удастся преодолеть разрыв севера и юга» // ЦентрАзия. 18.09.2005. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1127008080>.

Небринчин С. Устоит ли Россия против «гибридной цветной революции». REGNUM. 19.06.2016. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2158662.html>

Пономарева Е.Г., Рудов Г.А. «Цветные революции»: природа, символы, технологии // Обозреватель. 2012. № 3. С. 36–48.

Примаков Е.М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. М.: ИИК «Российская газета», 2009.

Соловей В.Д. Revolution! Основы революционной борьбы в современную эпоху. М.: Эксмо, 2017. 260 с.

Соловей В.Д. «Цветные революции» и Россия // Сравнительная политика. 2011. № 1. С. 33–43.

Филимонов Г.Ю., Карпович О.Г., Манойло А.В. Технологии «мягкой силы» на вооружении США: ответ России. М.: Юнити-Дана, 2015. 581 с.

Фитуни Л.Л. «Арабская весна»: трансформация политических парадигм в контексте международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 1. С. 3–14.

Фукуяма Ф. Америка на распутье: Демократия, власть и неоконсервативное наследие. М.: АСТ, 2008. 282 с.

Фурман Д. Холодная война без слов // Независимая газета. 27.03.2006. URL: http://www.ng.ru/courier/2006-03-27/9_coldwar.html

Цветкова Н.А., Ярыгин Г.О. Участие публичной дипломатии США в политической трансформации Украины, 1990–2000-е гг. // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. 2015. Сер. 6. Вып. 4. С. 68–82.

Шульц Э.Э. Технологии бунта. Технологии управления радикальными формами социального протеста. М.: Подольская фабрика офсетной печати, 2014. 512 с.

Beissinger M. Structure and Example in Modular Political Phenomena: The Diffusion of the Bulldozer/Rose/Orange/Tulip Revolutions // Perspectives on Politics. 2007. Vol. 5 (2). P. 259–276.

Brzezinski Z. The Choice: Global Domination or Global Leadership. NY.: Basic Books, 2009. 256 p.

Bunce V., Wolchik S. Defeating Authoritarian Leaders in Postcommunist Countries. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 373 p.

Engdahl F.W. Full Spectrum Dominance: Totalitarian Democracy in the New World Order. Boxboro: Third Millennium Press, 2009. 268 p.

Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y.: Simon & Schuster, 2011. 368 p.

Kandelaki G. Georgia's Rose Revolution: A Participant's Perspective // United States Institute of Peace. Special report 167. 2006. URL: <https://www.usip.org/sites/default/files/sr167.pdf> (дата обращения 25.08.2020).

Kissinger H. Does America Need A Foreign Policy?: Toward A Diplomacy For The 21st Century. Darby: Diane Pub Co, 2004. 318 p.

Lane D. “Coloured Revolution” as a Political Phenomenon // Rethinking the “Coloured Revolution” / ed. by Lane D., White S. NY.: Routledge, 2010. P. 1–23.

Mitchell L. The Color Revolutions. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2012. 256 p.

White S. Is There a Pattern? // Rethinking the “Coloured Revolution” / ed. by Lane D., White S. NY.: Routledge, 2010. P. 284–300.